

Айман

Кодар

УТВЕРЖДАЯ ВЕЛИЧИЕ ДУХА

*Архетипические образы собаки и волка
в прозе Б. Джилкибаева*

Берик Магисович Джилкибаев, отметивший в этом году свое 85-летие, – известный ученый-филолог, профессор, и, может, потому герои его «Казахского эротического романа» (Алматы, 2009) тоже филологи: лингвисты, фольклористы, работающие со словом, поскольку он лучше всего знает эту среду. Беседы, которые они по временам ведут, чрезвычайно интересны, иногда спорны, но все, что бесспорно, вряд ли плодотворно, уж во всяком случае пресно [1]. Несмотря на то что в романе много научных рассуждений, например, о менталитете человеко-волков и человеко-собак, о природе власти, об эротической культуре Востока и Запада и о многих других высоких материях, читается проза Берика Джилкибаева необыкновенно легко, сюжеты его занимательны, остроумны и не лишены особо изящества, отличающего обычно куртуазную литературу.

В романе автор сопоставляет архетипические образы волка и собаки, но он также сопоставляет этническое восприятие волка и собаки. Кто волк для русского народа? Кто волк для казахов? А собака?

Б. Джилкибаев дает многогранную архетипическую характеристику волку, несколько парадоксальную, потому что волк у него одновременно и «плохой», и «хороший» персонаж. Писатель показывает три архетипа волка в русской культуре: Серый – «...разбойник, посещавший овчарни, нападавший на овечьи стада»; лесной Бирюк – «...одиноким, избегавшим общества, жившим непонятной ночной жизнью»; но в противопоставление волкам-разбойникам автор приводит и положительный образ, нашедший отражение в поэзии Пушкина: «Царевна там в темнице тужит, а бурый волк ей верно служит». Иллюстрацией последнего архетипа служит также картина В. Васнецова, где изображен Серый Волк, который несется по темному лесу, увозя на себе от преследования Иванушку и красну девицу. Но, как говорит сам автор, «попытки реабилитировать зверя вытесняются образом глупого, жадного битого волка, который везет “небитую Лису Патрикеевну”». «Как волка ни корми – он все в лес смотрит», «его не приручить, добром к нему не подступишься, на мировую с волком нужно идти, только “снявши шкуру с него долой”». Много, очень много плохого, отрицательного накопилось в

характеристиках волка в русском фольклоре», – констатирует казахский писатель символическую русскую рецепцию архетипа волка.

Интересен в романе архетип собаки. Б. Джилкибаев видит ее приевшуюся и сросшуюся с людским сознанием дружелюбность и преданность человеку. Если волк не может быть в неволе, то собака не может быть на воле, замечает автор. «Собака в лес не смотрит. Собаке нужна кормежка. Хороший хозяин знает, когда надо кормить собаку в охотничью пору. Ценность собаки – в ее преданной службе послушанию, готовности положить свою собачью голову за своего хозяина. <...> Беда собаки – оказаться на воле». Собаки управляемы, ведь человек уже давно изучил все их слабости, одна из которых – кость. «Веками выработана у собаки потребность служить человеку. Такой потребности у волка нет». Эта фраза ставит все на свои места, разграничивая дикую свободу и домашнюю зависимость, не отрицая их мощного противостояния друг другу.

«Столкновения “волчьей” и “собачьей” психологий, яростное противостояние и противоборство этих стихий породили чудовищные формы не только экстремального проявления этих психологий, но и промежуточные формы, в которых выросли “человеко-волки”, “человеко-собаки” и “собаки-волки”, “волки-собаки”. Особенно фантастическими были последние формы обществ, где двойственная психология, совмещающая в одном общественном организме черты “волчьей” и “собачьей” психологии, миропонимания и мироощущения, создавала такой тип человека, который превосходил по своей собачьей сущности любого пса и в то же время своим волчьим менталитетом представлял не просто волком, но суперволком. Эти общества-гибриды, эти люди-“оборотни” сыграли в истории Евразии такую роль, которая еще не раскрыта историками и последствия которой мы еще долго будем ощущать на “своей шкуре”». «Волчья стайная утопия, идеализация символического “Дикого поля”, противопоставленная территориально привязанной поведенческой структуре “псов”, определяет в романе Б. Джилкибаева и изначально подозрительное отношение казахского этноса к городу, колыбели европейской цивилизации. Город, великий плавильный котел, где встречаются элементы традиционной социальной организации с элементами “волчьей” агрессивности и инициативности, порождает феномен “оборотничества”, “собак с волчьим билетом”, типичный для архаической модели инициации. В оборотничестве проявляется исходная амбивалентность песье/волчьего статуса» [2].

В романе важен момент, когда Юнус спрашивает у Зауре о ее предпочтении. Она – казашка, следовательно – потомок тюрков, и, естественно, в ее жилах течет тенгрианская волчья кровь, и она отдает предпочтение волкам, поддерживая выбор своим происхождением: «...мы, казахи, вышли из волчьего племени, произошли от Көк бөрі (Синего Небесного Волка)». Кровь имеет немаловажное значение. Этнос объединяют уже не только территориальные признаки. «Голос крови – голос волчьей природы – сплачивает людей по семейным, родовым, клановым признакам»... Современные кочевники также нередко объединяются в очень крепкие сообщества по родоплеменной принадлежности. На Востоке принадлежность к родовому клану является вопросом первостепенной важности, определяющей характерные качества индивида. «Это своего рода пароль. <...> Это путевка в жизнь среди “своих”, вход во “врата возможностей”. Если ты “свой”, то дорога “в люди” тебе открыта, если “чужак” – поворачивай оглобли...» [3; 80].

«Евразийская этнополитическая ментальность веками шла в противопоставленности двух ключевых фигур – собаки и волка. Крайние проявления этой оппозиции – кочевой образ жизни, постоянная смена территории, постоянное ожидание столкновений, нападений, захватнических намерений неизвестно откуда могущих появиться врагов и готовность к экспансии, когда для этого представится возможность» [3; 78].

Далее автор приводит метаморфозы, метафоры, аллегории, олицетворения волков, оборотней и собак в сопоставлении с современным обществом, с Западом и Востоком.

«Особая тема – собаки, подделывающиеся под волков, и волки в собачьих шкурах. Это тема “оборотней”. “Оборотни” днем выглядят собаками, а ночью это свирепые волки. Понятия “день” и “ночь” здесь приводятся в расширительном значении. Оборотни, подделывающиеся под “собак” и “волков”, в конечном счете предстают в своем истинном уродливом виде, в омерзительном двуличии, подлой посредственности, ничего хорошего не предвещающей народам, которыми им по воле шального случая выпала карта “рулить”» [3; 81].

Так и люди, проявляющие «добрые намеренья», великодушно оказывающие услугу, бескорыстную помощь, за добродушной маской своего лицемерия оказываются теми же шакалами, что готовы растерзать вас в любую секунду, лишь бы спасти свою шкуру.

«Любой факт, фактик из жизни любого сидящего в зале мог обернуться тяжелейшим политическим обвинением, и все набросятся, как шакалы, и костей не соберешь: загрызут, растерзают. Уж лучше сидеть и не хрюкать!» [3; 84]. Автор постоянно обращается к «теням далеких предков». Думаю, в этом изюминка романа. Б. Джилкибаев обращается к архетипам не просто так, а потому что напоминает казахам, которые стали хуже собак, их прошлое тюркское величие. Он напоминает, какими волками были казахи в прошлом, он возрождает этот тюркский волчий дух, вызывая его своим произведением. Они были такими «независимыми волками», но поникли и забыли это в бестолковой суете сегодняшнего дня.

Роман Б. Джилкибаева многопланов, но в этнопсихологическом плане он показывает тот отрицательный сдвиг, который произошел в советском народе за годы сталинского тоталитаризма и хрущевской обманчивой оттепели. Этот сдвиг заключался в том, что людей сделали абсолютно управляемыми: в них подавили гордость, насадив подхалимаж и угодничество. На самом деле в них искоренили даже самые естественные архетипические черты: гордый воинственный дух казахов-кочевников и миролюбивую общинную солидарность крестьянской оседлой Руси. Особенно губительно это сказалось на казахах, лишившихся привычной среды обитания. Из среды свободных кочевников стали появляться чиновники-бюрократы, они сидели теперь в тесных кабинетах и сочиняли в них не стихи, а доносы друг на друга.

Народ пастухов и воинов в несколько десятилетий превратился в народ «великих» писателей и ученых, а если сказать без тени юмора, то в народ лжеписателей и лжеученых. Роман Б. Джилкибаева об этом – об историческом эксперименте, результат которого оказался страшнее всех самых ужасных архетипов, ибо он проводился сознательно, с использованием в гнусных целях передовой философии того времени – марксизма. Неудивительно, что автор вроде бы пишет о людях, а

мы видим лишь песьи морды и страшные волчьи оскалы людей-оборотней. Да, тема оборотничества – главная в этом романе. Но это не то сказочное оборотничество, когда человек, превратившись в волка, становится могучим и неуязвимым, а то, когда волк хочет скрыть свою волчью натуру, а собака – собачью. И все становятся никем и даже ничем. Ибо только утверждение своих ценностей, отстаивание своих убеждений делает человека человеком.

Но когда по необъятной стране проходится неумолимый молох репрессий подминая под себя миллионы и миллионы людей, даже протест свой научишься высказывать эзоповым языком, как это делает Зауре на знаменитом собрании/ «Меня насторожило слишком частое и кстати, и некстати восхваление наших вождей. Ислам с утра до вечера только и делал, что хвалил и возвеличивал товарища Сталина, товарища Молотова, товарища Ворошилова и даже наших казахстанских руководителей. Хотя это было уже ни к чему. Я не хочу сказать, что наши казахстанские руководители не заслуживают похвалы. Нет! Но если нужно, их похвалят в “Правде”, “Известиях”, их похвалит сам товарищ Сталин! А чтоб каждый, кому не лень, хвалил наших казахстанских вождей, – такого быть не должно. Это нескромно. А затаившийся агент хвалил и наших руководителей, и более мелких людей. Но особенно он хвалил наших акынов, которые, мне кажется, вовсе не заслужили таких похвал. И вот постоянные восхваления заставили меня задуматься, зачем он это делает? Думала я, думала и догадалась, наконец! Он же хочет, чтобы мне опротивели эти восхваления, чтобы они вызывали у меня раздражение, чтобы я стала думать, что все это ложь, преувеличение, что красивые слова в адрес вождей наших – фальшивка, и они не заслуживают таких похвал. Он своими восхвалениями хотел вызвать у меня обратную реакцию! Но меня не собьешь! Я не дурочка! Я сама люблю наших вождей и знаю, чего стоит каждый из них» [3; 84]. Здесь важна интонация, с которой это все произносится, а интонация явно ироническая и даже можно сказать – саркастическая. Надо вспомнить, что в казахском фольклоре женщина всегда умнее мужчины. Такова Куртка – жена юного Кобланды, предостерегающая его от похода на кзылбасов, такова Карашаш – жена остролова Жиренше, перехитрившая самого хана. Там, где бессильна грубая мужская сила, выход находит тонкая женская уловка. Так что Зауре не просто записной оратор, а архетипический женский образ, вышедший из казахского фольклора. Таким образом, в те извращенные годы даже оборотничество, если оно осуществлялось во имя правды, имело положительный оттенок. И как тут не воздать должное мастерству писателя, посмевавшему найти адекватное выражение тому, что осталось невыразимым даже во всесоюзной перестроенной литературе. А именно – тотальность обмана, ханжества и лицемерия в годы советского тоталитаризма.

Отвечая в интервью на вопрос, почему его заинтересовали именно эти архетипы, Б. Джилкибаев сказал: «Я хотел показать то, что люди одичали, забыли про гуманность, человечность. Забыли, в погоне за счастьем, что они – люди, и пошли по головам, убирая всех на своем пути. Внутренняя культура, человечность, разум – это то, что делает человека человеком. Делает его цельным, гармоничным, напоминает ему то, что он стоит выше всех зверей в природной цепочке. Потому что у него есть разум. А разум – это высшая сила, она намного выше хитрости, коварства, дикости и зверства, которые, по сути, являются первобытным маскарадом. Мы, люди, не должны забывать, что мы, прежде всего, люди, а потом уже

кто-то еще. Это и было целью написания этой главы, этой книги. А еще целью книги было показать глубокие корни нашего народа, наличие богатой культуры, о которой редко упоминается сейчас».

«Казахский эротический роман» Б. Джилкибаева в целом сложен, неоднозначен, и самая важная часть в нем, проясняющая основную идею, – новелла «Синий волк», где раскрываются основные архетипические корни этноса, обусловившие его национальный характер и судьбу. У писателя свой оригинальный стиль, прекрасная эрудиция позволяет ему пускаться в дебри славянско-тюркской мифологии, описывать со знанием дела архетипы собаки и волка в этих очень несхожих культурах. Если у тюрков волк считается священным, неприкосновенным животным, то для славян – это нечисть, демон. Если для славян мила собака, то предки казахов презирали ее за отсутствие гордого волчьего нрава, за желание выслужиться перед хозяином.

Автор показывает, что у каждого этноса свое миропонимание, и вовсе не обязательно эти мировоззрения должны совпадать, дублировать друг друга. Наоборот, тем и хорошо царство архетипов, что позволяет нам осознать себя, погрузиться в свое «архэ», в начало.

Роман Б. Джилкибаева – это обнажение сути тоталитаризма, где нечего и обнажать, где и тела-то не осталось, одна только оскорбленная, униженная душа. Не потому ли писатель идеализирует волка, ведь волк – это невозможность унижения. И когда в глубинах человеческой личности воет униженный волк – это чревато неуправляемой реакцией, поэтому надо быть очень осторожным с внутренним волком в человеке. Надо быть человечнее и не доводить друг друга до состояния озверения.

Анализ этого романа позволит людям больше понять его суть и, быть может, заинтересует и увлечет за собой в ту его глубину, которая учит мудрости. Прочитав его, наша молодежь, возможно, не совершит ошибок прошлого, а эпоха тоталитаризма останется лишь воем, который будет только дальним фоном звучать в ушах читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрей Леденев. Мечты и реальность: еще один раз на пути к избавлению... <http://www.zonakz.net/2000/11/15>
2. Сафронова Л. В. Культурно-территориальный код евразийского текста периода перехода // Прос-тор. 2011. № 11.
3. Джилкибаев Б. М. Казахский эротический роман. Алматы, 2009.

Айман Кодар – поэт, писатель, шеф-редактор журнала «Тамыр». Окончила бакалавриат КазНУ им. аль-Фараби по специальности «Тюркология» и магистратуру института Сорбонна-Казахстан КазНПУ им. Абая по специальности «Международные отношения». Выпускница открытой литературной школы Алматы. Преподает на факультете международных отношений в КазНПУ им. Абая. Автор сборника эссе «Превращения».

